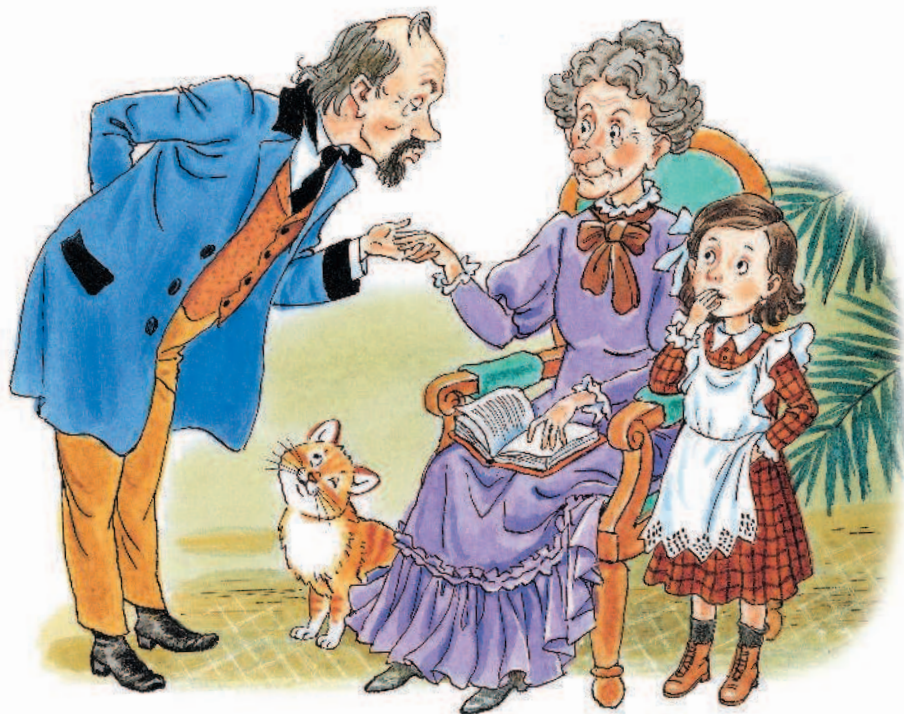

А. Аверченко • М. Зощенко • Н. Тэффи

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

«МАСТЫН»

XIII
ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Открыта подписка на 18

ВОКРУГЪ СВѢТА

въ теченіе года подписчики получаютъ

еженедѣльныхъ
иллюстрированъ.

№№,

содержаніе которыхъ со-
держиваютъ романы, попу-
лярно-научныя
рисунки.

БЕЗПЛАТНО

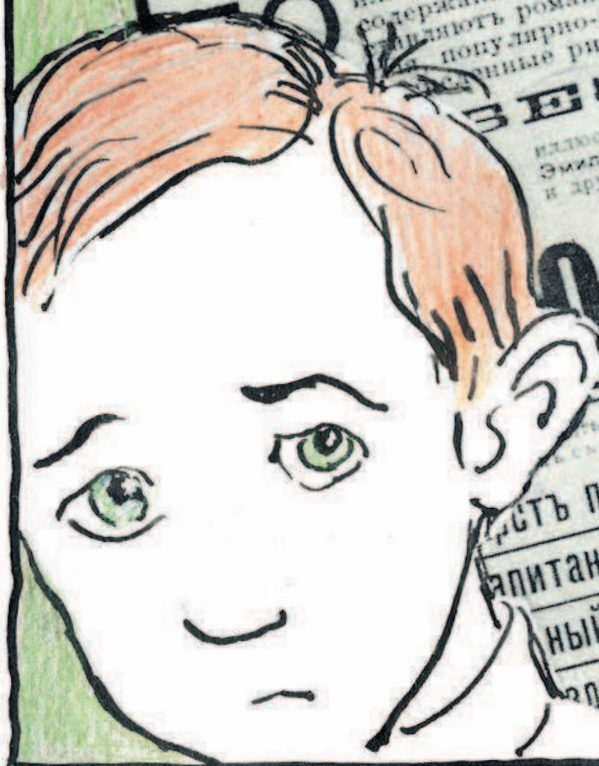
иллюстрированныхъ знамен. худож.
Эмилемъ Байрономъ, Невилемъ,
и другими, и содержащихъ въ се-

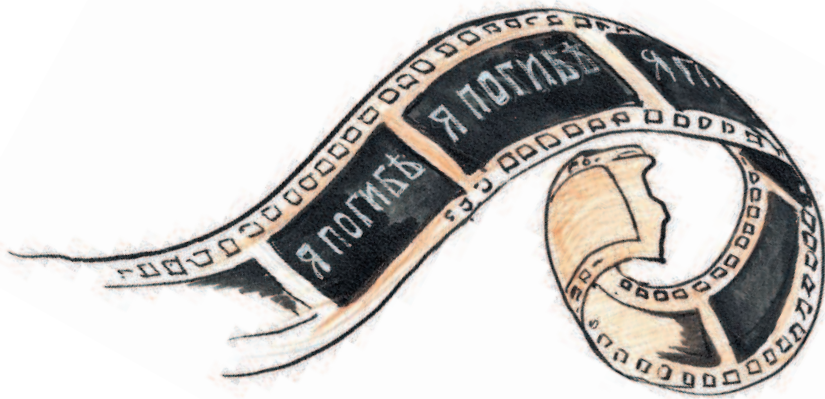
оля

изъ 12 томовъ большого формата
съ полными французскими названіями

- Листъ подь водою 2 т.
- Капитана Гранта 2 тома.
- Островъ 3 тома.
- Воздушный корабль.

РОСКОШНЫ

Аркадий Аверченко

ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ ЗАДАЧА

Когда учитель громко продиктовал задачу, все записали её, и учитель, вынув часы, заявил, что даёт на решение задачи двадцать минут, — Панталыкин провёл испещрённой чернильными пятнами ладонью по круглой головёнке и сказал сам себе:

— Если я не решу эту задачу — я погиб!...

У фантазёра и мечтателя Панталыкина была манера — преувеличивать все события, все жизненные явления и, вообще, смотреть на вещи чрезвычайно мрачно.

Встречал ли он мальчика больше себя ростом, мизантропического сурового мальчика обычного типа, который, выдвинув вперёд плечо и правую ногу и оглядевшись — нет ли кого поблизости, — ехидно спрашивал: «Ты чего задаёшься, говядина несчастная?» — Панталыкин бледнел

и, видя уже своими духовными очами призрак витающей над ним смерти, тихо шептал:

— Я погиб.

Вызывал ли его к доске учитель, опрокидывал ли он дома на чистую скатерть стакан с чаем — он всегда говорил сам себе эту похоронную фразу:

— Я погиб.

Вся гибель кончалась парой затрещин в первом случае, двойкой — во втором и высылкой из-за чайного стола — в третьем.

Но так внушительно, так мрачно звучала эта похоронная фраза: «Я погиб», — что Панталыкин всюду совал её.

Фраза, впрочем, была украдена из какого-то романа Майн-Рида, где герои, влезши на дерево по случаю наводнения и ожидая нападения индейцев — с одной стороны и острых когтей притаившегося в листве дерева ягуара — с другой, — все в один голос решили:

— Мы погибли.

Для более точной характеристики их положения необходимо указать, что в воде около дерева плавали кайманы, а одна сторона дерева дымила, будучи подождённой молнией.

* * *

Приблизительно в таком же положении чувствовал себя Панталыкин Семён, когда ему не только подсунули чрезвычайно трудную задачу, но ещё дали на решение её всего-навсего двадцать минут.

Задача была следующая:

«Два крестьянина вышли одновременно из пункта А в пункт Б, причём один из них делал в час четыре версты, а другой пять. Спрашивается, насколько один крестьянин придёт раньше другого в пункт Б, если второй вышел позже первого на четверть часа, а от пункта А до пункта Б такое же расстояние в верстах, — сколько получится, если два виноторговца продали третьему такое количество бочек вина, которое дало первому прибыли сто двадцать рублей, второму восемьдесят, а всего бочка вина приносит прибыли сорок рублей».

Прочтя эту задачу, Панталыкин Семён сказал сам себе:

— Таковую задачу в двадцать минут? Я погиб!

Потеряв минуты три на очинку карандаша и на наиболее точный перегиб листа линованной бумаги, на которой он собирался развернуть свои математические способности, Панталыкин Семён

сделал над собой усилие и погрузился в обдумывание задачи.

Первым долгом ему пришла в голову мысль:

— Что это за крестьяне такие: «первый» и «второй»? Эта сухая номенклатура ничего не говорит ни его уму, ни его сердцу. Неужели нельзя было назвать крестьян простыми человеческими именами? Конечно, Иваном или Василием их можно и не называть (инстинктивно он чувствовал прозаичность, будничность этих имён), но почему бы их не окрестить — одного Вильямом, другого Рудольфом.

И сразу же, как только Панталыкин перекрестил «первого» и «второго» в Рудольфа и Вильяма, оба сделались ему понятными и близкими. Он уже видел умственным взором белую полоску от шляпы, выделявшуюся на лбу Вильяма, лицо которого загорело от жгучих лучей солнца... А Рудольф представлялся ему широкоплечим мужественным человеком, одетым в синие парусиновые штаны и кожаную куртку из меха речного бобра.

И вот — шагают они оба, один на четверть часа впереди другого...

Панталыкину пришёл на ум такой вопрос:

— Знакомы ли они друг с другом, эти два мужественных пешехода? Вероятно, знакомы, если попали в одну и ту же задачу... Но если знакомы — почему они не сговорились идти вместе? Вместе, конечно, веселее, а что один делает в час на версту больше другого, то это вздор; более быстрый мог бы деликатно понемногу сдерживать свои широкие шаги, а медлительный мог бы и прибавить немного шагу. Кроме того, и безопаснее вдвоём идти — разбойники ли нападут или дикий зверь...

Возник ещё один интересный вопрос:

— Были у них ружья или нет?

Пускаясь в дорогу, лучше всего захватить ружья, которые даже в пункте Б могли бы пригодиться, в случае нападения городских бандитов — отрепья глухих кварталов.

Впрочем, может быть, пункт Б — маленький городок, где нет бандитов?...

Вот опять тоже — написали: пункт А, пункт Б... Что это за названия? Панталыкин Семён никак не может представить себе городов или сёл, в которых живут, борются и страдают люди, под сухими бездушными литерами. Почему не назвать один город Санта-Фе, а другой — Мельбурном?

И едва только пункт А получил название Санта-Фе, а пункт Б был преобразован в столицу Австралии, — как оба города сделались понятны-

Я ПОГИБЪ

БЗ

КАРАМБА

ХО-ХО!

3 км.

Я ПОГИБЪ

Я ПОГИБЪ

Я ПОГИБЪ

ми и ясными... Улицы сразу застроились домами причудливой экзотической архитектуры, из труб пошёл дым, по тротуарам задвигались люди, а по мостовым забегали лошади, неся на своих спинах всадников — диких, приехавших в город за боевыми припасами, вакэро и испанцев, владельцев далёких гациенд...

Вот в какой город стремились оба пешехода — Рудольф и Вильям...

Очень жаль, что в задаче не упомянута цель их путешествия? Что случилось такое, что заставило их бросить свои дома и спешить, сломя голову, в этот страшный, наполненный пьяницами, карточными игроками и убийцами, Санта-Фе?

И ещё — интересный вопрос: почему Рудольф и Вильям не воспользовались лошадьми, а пошли пешком? Хотели ли они идти по следам, оставленным кавалькадой гверильясов, или просто прошлой ночью у их лошадей таинственным незнакомцем были перерезаны поджилки, дабы они не могли его преследовать, — его, знавшего тайну бриллиантов Красного Носорога?...

Всё это очень странно... То, что Рудольф вышел на четверть часа позже Вильяма, доказывает, что этот честный скваттер не особенно доверял Вильяму и в данном случае решил просто проследить этого сорви голову, к которому вот уже три дня подряд пробирается ночью на взмыленной лошади креол в плаще.

...Подперев ручонкой, измазанной в мелу и чернилах, свою буйную, мечтательную, отуманен-

ную образами, голову — сидит Панталыкин Семён.

И постепенно вся задача, весь её тайный смысл вырисовывается в его мозгу.

* * *

Задача:

...Солнце ещё не успело позолотить верхушек тамариндовых деревьев, ещё яркие тропические птицы дремали в своих гнёздах, ещё чёрные лебеди не выплывали из зарослей австралийской кувшинки и желтоцветы, — когда Вильям Блокер, головорез, наводивший панику на всё побережье Симпсон-Крика, крадучись шёл по еле заметной лесной тропинке... Делал он только четыре версты в час — более быстрой ходьбе мешала больная нога, подстреленная вчера его таинственным недругом, спрятавшимся за стволом широколиственной магнолии.

— Каррамба! — бормотал Вильям. — Если бы у старого Билля была сейчас его лошаденка... Но... пусть меня разорвёт, если я не найду негодяя, подрезавшего ей поджилки. Не пройдёт и трёх лун!

А сзади него в это время крался, припадая к земле, скваттер Рудольф Каутерс, и его муже-

ственные брови мрачно хмурились, когда он рассматривал, припав к земле, след сапога Вильяма, отчётливо отпечатанный на влажной траве австралийского леса.

— Я бы мог делать и пять вёрст в час (кстати, почему не «миль» или «ярдов?»), — шептал скваттер, — но я хочу выследить эту старую лисицу.

А Блокер уже услышал сзади себя шорох и, прыгнув за дерево, оказавшееся эвкалиптом, притаился...

Увидев ползшего по траве Рудольфа, он приложился и выстрелил.

И, схватившись рукой за грудь, перевернулся честный скваттер.

— Хо-хо! — захохотал Вильям. — Меткий выстрел. День не пропал даром, и Старый Билль доволен собой.....

* * *

— Ну, двадцать минут прошло, — раздался, как гром в ясный погожий день, голос учителя арифметики. — Ну что, все решили? Ну, ты, Панталыкин Семён, покажи: какой из крестьян первый пришёл в пункт Б.

И чуть не сказал бедный Панталыкин, что, конечно, в Санта-Фе первым пришёл негодяй Блокер, потому что скваттер Каутерс лежит с простреленной грудью и предсмертной мукой на лице, лежит, одинокий, в пустыне, в тени ядовитого австралийского «змеинового дерева»...

Вигора

Но ничего этого не сказал он. Прохрипел только: «Не решил... не успел...»

И тут же увидел, как жирная двойка ехидной гадюкой зазмеилась в журнальной клеточке против его фамилии.

— Я погиб, — прошептал Панталыкин Семён. — На второй год остаюсь в классе. Отец выдерет, ружья не получу, «Вокруг Света» мама не выпишет...

И представилось Панталыкину, что сидит он на развалине «змеинового дерева»... Внизу бушует разлившаяся после дождя вода, в воде щёлкают зубами кайманы, а в густой листве прячется ягуар, который скоро прыгнет на него, потому что огонь, охвативший дерево, уже подбирается к разъярённому зверю...

Я погиб!

